

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ГРАДИЩАНСКОХОРВАТСКИЕ СЕЛА ЗАПАДНОЙ ВЕНГРИИ (ОКРЕСТНОСТИ СОМБАТХЕЯ)

© 2019 г. А.А. Плотникова^{1*}, Д.Ю. Ващенко^{2**}

¹Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

²Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

*annaplotn@mail.ru; **daranis@mail.ru

*Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17-18-01373 «Славянские
архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования»*

В статье представлен обзор этнолингвистической экспедиции, в ходе которой авторами были обследованы градищанскохорватские села Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице и Петрово Село, расположенные на юге Западной Венгрии в окрестностях г. Сомбатхей. Отмечается специфика социокультурной ситуации в регионе, наложившая отпечаток на сохранность традиции. Рассматриваются основные наиболее яркие черты традиционной культуры в таких сферах, как календарная, семейная обрядность, народная мифология. Выявляются архаические черты локальной традиции, характеризующие ритуалы, направленные на обеспечение здоровья домохозяев и приумножение благосостояния в семье, а также на защиту дома от природных бедствий. Представлены сравнительно хорошо сохранившиеся поверья в сфере народной мифологии. Показано, что традиция с. Петрово Село ввиду его изолированного положения несколько отличается от трех других сел.

The article summarises the results of an ethnolinguistics expedition to the Burgenland Croats' villages of Narda, Felsőcsatár / Gornji Četar, Horvátlövő / Hrvatske Šice, and Szentpéterfa / Petrovo Selo in West Hungary, around the town of Szombathely. It is stressed that specific sociocultural situation left its imprint on the preservation of tradition. Most peculiar features of traditional culture in such spheres as calendar and family rituals, popular mythology, are considered. Archaic traces of the local tradition are revealed, which characterise rituals aimed at ensuring the health of households and increasing wealth in the family, as well as protecting home from natural disasters. Relatively well-preserved beliefs in the field of folk mythology are presented. It is shown that tradition in Petrovo Selo, due to its isolated position, is somewhat different from three other villages.

Ключевые слова: градищанские хорваты, народная духовная культура, архаические черты, сохранность традиции в анклав, заимствования, этнические контакты, народная мифология, календарная обрядность, семейная обрядность.

Keywords: Burgenland Croats, folk spiritual culture, archaic traces, preservation of tradition in an enclave, borrowings, ethnic contacts, folk mythology, calendar rituals, family rituals.

DOI: 10.31857/S0869544X0006810-4

Этнолингвистическое обследование градищанскохорватских сел в окрестностях г. Сомбатхей (Западная Венгрия) проходило с 14 по 22 мая 2019 г. Участники экспедиции — А. А. Плотникова и Д. Ю. Ващенко — предприняли уже вторую экспедицию к градищанским хорватам, проживающим в настоящее время в Венгрии. Первая экспедиция состоялась в 2017 г. и охватывала села в окрестностях г. Шопрон (Унда, Хорватский Жидан, Присика и Плайгор)¹, так называемое Среднее Градище. По итогам прошедших экспедиций было решено осуществить полевое этнолингвистическое изучение градищанскохорватских сел, условно относимых к Южному Градищу: с. Нарда (венг. *Narda*, гр.-хорв. *Narda*), Горни Четар (венг. *Felsőcsatár*, гр.-хорв. *Gornji Četar*), Хорватские Шице (венг. *Horvátlővő*, гр.-хорв. *Hrvatske Šice*) и Петрово Село (венг. *Szentpéterfa*, гр.-хорв. *Petrovo Selo*). Эти села образуют единый «куст» с селами Чемба и Чайта, расположенными на территории соседней Австрии, тоже вблизи границы, разделившей в 1921 г. по Трианонскому мирному договору два государства бывшей Австро-Венгрии. Отметим также, что все обследованные села относятся к так называемым верным деревням, в венгерской исторической терминологии — *hűséges falvak*, как называют населенные пункты, которые по Трианонскому соглашению сначала были переданы Австрии, однако через некоторое время были возвращены Венгрии по результатам референдума, проведенного в 1922 г. среди местных жителей².

В настоящее время села связаны регулярными автобусными рейсами с ближайшим венгерским городом Сомбатхей (население 78 тыс. жителей) и входят в состав «сомбатхейской агломерации». При этом сквозное автобусное сообщение между с. Нарда, Горни Четар и Хорватские Шице, с одной стороны, и Петровом Селом — с другой, отсутствует, несмотря на то, что все эти села фактически расположены на одной и той же дороге вдоль границы. Это связано с тем, что граница сильно изрезана и в венгерскую территорию «вклинивается» австрийская³. В связи с этим контакты хорватских жителей Петрова Села с обитателями других градищанскохорватских сел Венгрии существенно ограничены, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на сохранение и особенности народной традиции в этом селе. Во-первых, ощущается больший приток унгаризмов в речь жителей Петрова Села, во-вторых, здесь сохраняются некоторые ритуалы и поверья, не характерные для других градищанцев рассматриваемого «куста». Следует заметить, что в настоящее время при действующем Шенгенском соглашении коммуникация между селами значительно

¹ Подробнее см. [1–3]. Вторая этнолингвистическая экспедиция в том же составе участников была предпринята к градищанским хорватам Словакии (в Чуново и Яровце, репрезентирующих Северное Градище), подробнее см. [4; 5].

² Определенная историческая память об этих событиях сохраняется в среде местного населения: так, рассказывая о пространственной организации села Горни Четар, местные жители утверждают, что одна половина села сразу оставалась в составе Венгрии, тогда как другая вернулась уже после референдума — что не вполне соответствует реальным фактам и отражает определенную мифологизацию событий начала XX в. в сознании нынешнего населения.

³ По этому поводу у местных хорватских жителей существуют шуточные выражения типа «границу мышь погрызла» и под.

упростилась, и местные жители в случае необходимости легко пересекают «австрийский клин» (12 км) на личном автотранспорте.

Характерной чертой существования хорватского этноса в районе Сомбатхея является тот факт, что хорватские села здесь тесно взаимосвязаны не только и не столько с собственно венгерскими селами, сколько с немецкими деревнями Вашкерестеш (венг. *Vaskeresztes*, нем. *Grossdorf*) и Порноapati (венг. *Pornóapáti*, нем. *Pernau*), юридически относящимися не к Австрии, но к Венгрии. Исследование традиционной народной духовной культуры в окружающих населенных пунктах также немаловажно для понимания ее специфики в хорватских селах анклава и в целом составляет дальнейшую перспективу этнолингвистического исследования региона.

Для пространственной организации всех обследованных сел значимой представляется их двухчастная структура, когда фактически существуют два тесно связанных населенных пункта, противопоставленных по какому-либо признаку и при этом в настоящее время либо искусственно объединенных, либо искусственно разъединенных по административным соображениям. Нарда состоит из двух частей, Большая Нарда и Малая Нарда, прежде представлявших собой самостоятельные населенные пункты, противопоставленные географически: Большая Нарда находится на холме, в то время как Малая — у его подножия, каждая экс-деревня имеет собственную церковь и собственное кладбище. По словам местных жителей, изначально в Большой Нарде проживали более зажиточные крестьяне, в то время как в Малой селились бедняки. Указанное противопоставление дополнительно маркируется в узусе хорватских жителей: Большую Нарду чаще называют по-хорватски, т.е. *Velika Narda*, а Малую — по-венгерски: *Kis Narda*. По словам представителей среднего поколения (происходящих из Большой Нарды), Большая и Малая Нарда также различаются в языковом отношении, в языке жителей Малой Нарды, по словам жителей Большой Нарды, больше германизмов, например: «мы говорим *livici*, а они *štaglička* (хлев)... это из немецкого». Сходным образом устроено село Горни Четар (досл.: Верхний Четар): в настоящее время в одно село объединены деревни Верхний Четар (венг. *Felsőcsatár*, хорв. *Gornji Četar*) и Нижний Четар (венг. *Alsócsatár*, хорв. *Dolnji Četar*), Верхний находится на холме, считалось, что там селились бедняки, а Нижний — в долине возле р. Пинка, там исконно проживали представители более обеспеченного слоя. В отличие от Нарды, в селе всего одна церковь и, соответственно, общее кладбище. В настоящее время реставрируется часовня св. Девы Марии, находящаяся на еще более высоком холме среди местных виноградников, именно оттуда видна панорама всех окрестных сел, чередующихся по принципу: хорватское/немецкое село. Село Хорватские Шице (Хорватлеве) демонстрирует несколько иную ситуацию, когда, во-первых, соположенные населенные пункты противопоставлялись не по географическому, а по этническому признаку, и во-вторых, они были не объединены, но разъединены «сверху». Речь идет о «парных» селах Хорватские Шице и Немецкие Шице (хорв. *Hrvatske Šice* и *Nimške Šice*, венг. *Horvátlövő* и *Németlövő*, дословно: «хорватские стрелки» и «немецкие стрелки»). После референдума 1922 г. данные села оказались в составе разных государств — соответственно в Венгрии и в Австрии, однако окончательно связь между ними была прервана уже после Второй мировой войны. В относительно изолированном Петровом Селе двухчастная структура села также формируется по национальному признаку, и, хотя село в данном случае представляет некоторый единый массив, пространственные координаты здесь задают, как и в Нарде, две церкви, в терминологии местных жителей «внешняя церковь», расположенная

за пределами села, и «внутренняя церковь», которая находится непосредственно в селе. При этом внешняя церковь маркирована как хорватская, а внутренняя — как венгерская.

Языковая ситуация в обследованных селах в целом сходна с той, что представлена в других хорватских селах на территории Венгрии, обследованных в 2017 г. Представители старшего и среднего поколения билингвальны, хорватский язык используется ими главным образом для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села. Представители младшего поколения владеют хорватским языком скорее пассивно, на уровне понимания обращенной речи. В градищанскохорватской речи при этом представлено определенное количество унгаризмов, среди которых выделяются: дискурсивные слова (например *legalab* (< венг. *legalább* ‘по крайней мере’), *hat* (< венг. *hát* ‘ну, да, вот’) и др.); названия предметов быта, частей одежды: (например *hاتیžak* ‘рюкзак’ «s hاتیžakom na hrbatu» ‘с рюкзаком на спине’ (< венг. *hátizsák*), *vankuš* ‘подушка’ «tanac (s/is) vankušom» ‘танец с подушкой’ (< венг. *vánkos*), *falat* ‘кусок’ «falat odriže» ‘отрежет кусок’ (< венг. *falat*) и под); обозначения некоторых общественно значимых мест и явлений (например *bolta* ‘магазин’ «idem u boltu» ‘иду в магазин’ (< венг. *bolt*), *aram* ‘электричество’ «tam je bio aram» ‘там было электричество’ (< венг. *áram*)) и некоторые другие. В терминологической лексике традиционной народной духовной культуры унгаризмов значительно меньше, при этом они более частотны в относительно изолированном градищанскохорватском селе Петрово Село: *babona* ‘поверие, суеверие’ (< венг. *babona*), *perjec* ‘свадебный хлебец в форме кренделя’ (< венг. *perec*), *bučura* ‘праздник церкви’ (< венг. *bucsu*)⁴. Во всех обследованных селах отмечены германизмы, связанные с «обрядовым деревцем» на Рождество и 1 мая: *majprat / majpan* ‘майское деревце’ (< нем. *Maibaum*), *kriskinglin* ‘рождественская елка’ (< нем. *Kristkindl*), причем первый термин широко распространен и в Бургенланде на территории Австрии, тогда как в градищанских селах Венгрии известна также и калька на славянском (*majuško drivo*).

Как правило, во всех обследованных селах кладбище (*cintor, cintir, cimitir*) находится при церкви (исключение составляет Горни Четар, где кладбище находится на окраине села), и там преобладают надписи на венгерском языке. При обследовании надписей, указывающих на фамилию упокоенных, и сопровождающих их слов («здесь упокоен», «покойся с миром» и под.) было отмечено, что последние делаются преимущественно на венгерском языке, например *nyugodj békében* «покойся с миром», *itt nyugszik* «здесь покойся», хотя представлено также определенное количество надписей с хорватской «рамкой»⁵ *ovde počiva* «здесь покойся». В отличие от кладбищ сел Яровце и Чуново, расположенных в Южной Словакии и обследованных нами в 2018 г., здесь совершенно не представлены надписи с немецкой «рамкой», а также собственно хорватская орфография в написании финалей на [ich]: финаль в данном случае варьируется как *its / ics*, при этом в сознании информантов первый вариант осознается как более архаичный и вместе с тем маркированный как хорватский, а второй — как более новый и не воспринимаемый как хорватский (так как записывается по правилам современной венгерской орфографии). Особняком здесь стоит кладбище Петрова Села, поскольку лишь на этом кладбище из

⁴ В других обследованных селах праздник церкви, отмечаемый и как праздник села, имеет традиционное градищанскохорватское наименование *kiritof*, ср. то же в «Градищанскохорватско-немецком словаре» [6. S. 236], однако в с. Хорватские Шице также отмечается и термин *buča* ‘праздник церкви’.

⁵ Подробнее о термине «рамка» см. [7].

всех обследованных широко распространена практика размещения надписи на «оборотной» стороне памятника, т.е. на стороне, противоположной собственной могиле. Здесь число надписей с сопровождением на хорватском языке, по нашим наблюдениям, значительно больше, нежели в Нарде, Горни Четаре и с. Хорватские Шице.

Для похоронной обрядности обследуемого анклава характерна традиционная градищанскохорватская лексика: *puokop / pokop* ‘похороны’ (Нарда, Горни Четар и Хорватские Шице), ср. также *zakapati* ‘похоронить’ в отличие от *sprohod* (Петрово Село); *karmina* ‘поминки после похорон’, *Sesvete* ‘Задушки, день Всех Святых, 1.XI’; *Mertvi god, Mertvi dan, Dan mertvih* ‘ежегодное поминовение усопших’⁶, 2.XI’. Гроб обозначается лексемой *lis(t)*⁷, а надгробный памятник — лексемой *kerst / karst*, даже в случае, когда он не имел форму креста. При этом в Нарде и Горни Четаре в значении ‘молиться при покойном, пока он оставался первые две ночи в доме’ употребляется заимствованная из венгерского лексема *verestovati, verestovanje* (< венг. *virrasztani, virrasztás* досл.: ‘зорежать’, от *virradat* ‘заря’), а в селах Хорватские Шице и Петрово Село — лексема *boktati, boktanje / boftati, boftanje* (возможно, из трансформированного нем. *Wachten* ‘сторожить, охранять’).

За время этнолингвистической экспедиции в селах окрестностей Сомбатхей удалось собрать сведения по календарной и семейной обрядности проживающих в этом регионе градищанских хорватов, отчасти — по народной мифологии, причем в трех селах, расположенных в непосредственной близости друг от друга (Нарда, Горни Четар и Хорватские Шице), традицию народной духовной культуры можно считать общей, тогда как особые отличия характерны для традиции расположенного в отдалении Петрова Села. При этом следует заметить, что жители каждого из указанных трех сел считают, что некоторые обычаи исполняются только в их селе, что не соответствует реальности. Нередко настаивают, например, на том, что ритуал сбора розмарина во время обходной процессии юношами домов девушек в последний день масленицы существует только в Горни Четаре (нами этот обычай зафиксирован и в Нарде⁸, и в с. Хорватские Шице), а обход домов ряженой в белые одежды св. Люции (называемой *Luca, Lucija*) в одноименный праздник, — только в с. Хорватские Шице (сведения о существовании этого обычая также и в Горни Четаре приводит хорватский этнограф Ш. Хорват⁹, коренной житель с. Нарда, работающий в Сомбатхее [9. S. 90]¹⁰).

Многие из бытовавших здесь ранее календарных обходов постепенно забываются и проводятся все менее регулярно. Например, если раньше за время масленицы (*Fášenki, Fášinjak*) не было ни одной свадьбы, в селах Нарда и Петрово Село существовал обычай «тянуть сосну/пень» (*bor vleć, panj vleć*). По словам собеседников из Петрова Села, на огромном пне, который по всему селу тянули кони, сидели неженатый парень и незамужняя девушка, одетые

⁶ Последняя из этих номинаций, возможно, является калькой с венгерского, где соответствующий день обозначается именно при помощи притяжательной конструкции: *halottak napja*.

⁷ Ср. хорв. *lijes* ‘гроб’.

⁸ Ср. также аналогичные сведения из дипломной работы жительницы Нарды (воспитательницы в местном детском саду) Юлианны Бошич [8. S. 7–8].

⁹ Пользуясь случаем, благодарим коллегу Шандора Хорвата за оказанную научно-организационную помощь во время экспедиции.

¹⁰ Ряженая Люция с закрытым лицом не смела произнести ни слова; совершая обход домов, она дарила яблоко хорошим детям и наказывала непослушных детей, стегая прутиком (Горни Четар, Хорватские Шице).

как жених и невеста. Впрочем, у градищанских хорватов Венгрии обычай давно не практикуется, больше сведений о нем можно получить от заезжающих сюда жителей из соседних градищанскохорватских сел на территории Австрии (Чемба и Чайта). В памяти жителей деревень живы и, по словам многих, осуществляются в настоящее время обходы домов на *Mladenci* (вариант: на св. Стефана мученика) со специально сплетенным из ивовых веток кнутом (до сих пор такие прутья — *korbači* — можно увидеть в селах; ими парни стегают преимущественно девушек, а затем и всех в доме с пожеланиями здоровья, например: «Frišisun, frišisun (или: ja friščam, ja friščam), da budete se lito zdravi» (Фришисун, фришисун (я стегаю, я стегаю), чтобы вы были все лето здоровы), Хорватские Шице)¹¹. Совершаются и календарные обходы, предполагающие обязательное участие священника: для освящения полей на праздник св. Марка (*Markova*, 25.05), на праздник Божьего Тела (*Tijelova*), когда на пути шествия процессии устраиваются «алтари» из живых зеленых веток (как правило, березы) и цветов, называемые *hižice* ‘домики’ (Петрово Село), *kuće* ‘дома’ (Горни Четар). При этом участники процессий оставляют себе освященные *na Markovu* колоски, ставя их в вазы или затыкая где-либо в доме, чтобы дом был под охраной (Петрово Село, Нарда), выдергивают из алтарей букетики цветов (*kitice* ‘украшения’) и поджигают в случае, когда к селу приближается гроза и гремит гром (Петрово Село).

В целом среди наиболее ярких фрагментов народного календаря можно выделить несколько аспектов данной традиции, имеющих архаическую основу. Это ритуалы, направленные, во-первых, на обеспечение здоровья домочадцев (например, описанный выше обход с кнутами, называемый также и *šubranje*, *šibranje*, *šubarinja*¹² в Нарде, ср. *šibrat* ‘стегать кнутом во время обхода’ в Горни Четаре), во-вторых, на приумножение благосостояния в хозяйстве (например, повсеместно известный ритуал в Сочельник, называемый в соответствии с действиями приманивания цыплят *pi-pi-pi* или *pipipat* ‘пищать’: хозяйка разбрасывает по полу орехи, а дети их собирают, чтобы велись и неслись куры в хозяйстве¹³; обычай класть лемех — *oralo* — под стол в Сочельник, чтобы в будущем году «легко работалось с землей» (Нарда)), а также на охрану дома от зла и непогоды, например, для защиты во время грозы сжигание освященных на праздник Божьего тела трав или вербы, освященной в Вербное воскресенье (*Macicna/Macijeva nedija*), или возжигание громничной свечи (Горни Четар).

Особого внимания заслуживают многочисленные запреты и предписания, связанные с праздниками народного календаря. Общеизвестный у градищанских хорватов запрет посещать дом первой женщине (якобы приносящей несчастье) в этом регионе мог быть связан и с первым днем Нового года, и с праздниками, предшествующими святкам — днями святых Люции и Варвары. Запреты в разные праздники приводятся и в этнографических работах по этому региону, например, нельзя в первый день Нового года продавать, дарить,

¹¹ Ср. то же в других градищанскохорватских селах Венгрии [2. С. 101], Словакии [4. С. 347] и Австрии [10. С. 143]. Существует и пояснение формулы *frišisun* и под. как сокращенного нем. «Frisch und gesund» (свежий и здоровый), см., например, [9. С. 92].

¹² Ср. гр.-хорв. диал. *šubra* ‘кнут’ [8. С. 22], *šibar* ‘кнут’ (Горни Четар), хорв. лит. *šiba* ‘прут’ [6. С. 675].

¹³ При этом девочки изображают курочек, а мальчики — петушков, соревнуясь, кто больше наберет орехов (Горни Четар). В расширенной версии ритуала девочки и мальчики затем считают собранные орехи: если больше орехов у девочек, то в наступающем году вылупится больше птенцов и будет много яиц (Нарда [9. С. 91; 8. С. 20]). Предрождественский ритуал звукоподражания и «кормления» детей (изображающих цыплят) известен и в селах южной части Градища в Австрии (Пинковац, Нова Гора) [10. С. 141–143].

давать или брать взаймы, выносить из дома что-либо, чтобы избежать потерь в следующем году и не упустить удачу в делах (Хорватские Шице) [11. 236old.]. В канун Нового года (в день св. Сильвестра) запрещалось есть куриное мясо, чтобы курица «не унесла счастье будущего года» (Петрово Село). Известный в других хорватских селах Венгрии запрет на шитье в тот или иной праздник (в первый день Нового года, на Масленицу, в Пепельную среду или на св. Люцию), чтобы «не зашить курам задницы» (тогда они не будут нестись)¹⁴, был также записан при этнолингвистическом обследовании данного «куста» сел.

Нельзя обойти вниманием и ритуальные бесчинства¹⁵, совершаемые во всех селах в день св. Люции (13.12) — праздник, связанный в этом регионе с активизацией темных сил и демонических персонажей. С приходом темноты в канун праздника предписывалось закрывать все окна и двери, чтобы злые духи не смогли проникнуть в дом. Снаружи нельзя было оставлять даже метлу, поскольку полагали, что ведьмы унесут ее и будут летать на ней по воздуху; в этот день было принято есть чеснок, поскольку его запах отпугивает злых духов [10. С. 276], ср. также упомянутый выше обход домов ряженой Люции (указывающий на своего рода персонификацию святой). Именно в канун этого дня совершались два типа бесчинств молодежи: с одной стороны, такие, как снятие ворот и калиток с заборов, затаскивание тяжелых предметов на крышу дома (швейных машинок или даже телег), с другой — бесчинства, связанные с любовными играми молодежи (рассыпание соломы во дворе понравившейся и отвергнувшей юношу девушки; «прокладывание» дорожки из соломы от калитки девушки к дому парня, который ей нравится, и т.п.). Начиная с дня св. Люции, желающим распознать местную ведьму или «узнать будущее» (вариант: узнать девушке будущего мужа) на Рождество во время службы следовало начать изготовление «стульчика Люции» (*lucijin stolac, lucosiek*): каждый день нужно было понемногу делать стульчик, иногда считалось, что он должен быть из 13 разных пород дерева¹⁶. В этот день также делали луковый календарь: ставили в ряд двенадцать одинаковых луковиц и в каждую клали по щепотке соли. На следующее утро, если соответствующая луковица «намокала», т.е. становилась мягкой, считалось, что в месяц, который она обозначала, будет много осадков, дождя или снега [11. 277old.]. В с. Хорватские Шице на св. Люцию в небольшую тарелку насыпали немного земли и сеяли туда пшеницу, которая должна была дать зеленые ростки к празднику Рождества (тогда ее ставили на праздничный стол, а высушенными всходами затем кормили кур, чтобы те лучше неслись): согласно поверью, если на Рождество пшеница не зазеленеет, в наступающем году будет плохой урожай [9. S. 276]¹⁷. Некоторые рождественские ритуалы, связанные с магией плодovitости, переносятся в этом регионе на день св. Люции, например, кормление кур в кругу из веревки, чтобы они не разбежались и неслись дома (с. Нарда), ср. аналогичный магический ритуал в средней западной Венгрии (с. Хорватский Жидан), исполняемый в Сочельник [2. С. 111]. Кроме

¹⁴ Ср. [1. С. 414].

¹⁵ Как известно, ритуальные бесчинства в дни праздников служат определенным маркером двойственного характера христианского праздника в народной традиции, указывая на демонологизацию соответствующего святого, активизацию злых сил в канун праздника и т.п.

¹⁶ Ср. также аналогичные записи в других градишанскохорватских селах Венгрии — Плайгоре и Унде [1. С. 413].

¹⁷ Ритуал высевать на св. Люцию или св. Варвару пшеницу к Рождеству, называемый хорватским ученым В. Белаем «сады Адониса», известен и в других градишанскохорватских селах, но здесь этот культурный текст «обрастает» гаданиями об урожае и магическими практиками, направленными на плодovitость домашней птицы.

того, нередко часть ритуалов переносится с дня св. Люции на предшествующий ему «парный» праздник — день св. Варвары (04.12), например, на св. Варвару осуществлялись ритуальные бесчинства (кража поленьев и пр.), а на св. Люцию разбрасывали солому, указывая по селу «путь» девушке до парня, который ей нравился (с. Нарда) или по саду, чтобы девушка эту примерзшую к земле солому утром убирала (с. Горни Четар).

Свадебная обрядность, как и в других градищанскохорватских селах пограничья Австрии и Венгрии, содержит немало архаизмов как в ритуалах, так и в соответствующей терминологической лексике духовной культуры. В отличие, например, от родинной обрядности, ритуалы неплохо сохраняются, а также воспроизводятся в настоящее время, если молодые хотят сыграть «хорватскую» свадьбу. Довольно строгий порядок ритуальных действий на такой свадьбе знают практически все собеседники, достаточно подробно он описывается и в этнографических работах [8. S. 24–32; 11. 173–184old.]. Поэтому кратко отметим основные свадебные термины и архаические и заимствованные элементы обрядности.

Названия свадьбы в обследованных селах различаются: *svadba* (Петрово Село), *veseje* (Нарда, Горни Четар), *pir* (Хорватские Шице). Главное лицо на свадьбе — *pozivač*, в его функции входит приглашение гостей на свадьбу, для этого он обходит дома с посохом с привязанными к нему цветным лентами; в с. Петрово Село на посох в день венчания надевают свадебные витые хлебцы *perjaci*, что и самими жителями рассматривается как заимствование из венгерской традиции — эти хлебцы разбрасывают после венчания собравшимся у церкви зрителям. Наименование всех приглашенных гостей на свадьбу — *svati*, незваные гости приходят на свадьбу под вечер ряжеными (в лохмотьях и старой одежде, с закрытым лицом, чтобы их не узнали): о ритуале говорят *babe idu* «бабы идут» (Петрово Село), *čigani* «цыгане» (Нарда), при этом «цыгане» стремятся украсть невесту. Главные действующие лица на свадьбе — *mladoženja* (жених) и *zaručnica* или *zaručnja* (невеста); эти наименования известны по всему Бургенланду (один раз в Нарде мы услышали название невесты *mladenka* с оговоркой, что это слово «литературное»¹⁸). К венцу жениха ведет *perva posnašnica* (главная дружка, девушка), невесту — *pervi staćilo* (главный дружка, парень). При входе в дом жениха после венчания молодым вручали жареные куриные ножки (*campice*), чтобы те были резвыми и бодрыми, что сейчас вызывает также и шутки окружающих из-за нарядной одежды молодоженов (Петрово Село); клали перед порогом метлу «на счастье», на которую молодожены должны встать сразу вдвоем (Нарда), наблюдали также, возьмет ли ее в руки молодая, что свидетельствовало бы о ее хозяйственности (Хорватские Шице); с шумом разбивали тарелку на множество осколков, сопровождая действия словами: «Когда все осколки этой тарелки соединятся, тогда разобьется ваш брак» (Нарда, Хорватские Шице, Горни Четар).

Кульминацией сельской свадьбы было переодевание молодой в супругу (снимали фату и надевали красный платок в белый горошек) и молодого — в супруга (снимали приколотый розмарин, надевали шляпу). Традиционным для градищанских хорватов был танец с невестой, за который нужно было заплатить деньги. Выкуп на протяжении свадьбы следовало платить неоднократно: например, когда домочадцы и поварахи не пускали молодых в дом после венчания, защищаясь хлебными лопатами и другой хозяйственной утварью;

¹⁸ *Mladenka* в градищанскохорватском словаре дается с пометой: v. divojka «см. девушка» [6. S. 309].

как и во многих других селах Бургенланда, кухарка заматывала руку тряпкой и требовала деньги в поварешку, жалуясь на полученные при приготовлении блюд травмы. Во время пира свадьбу посещали ряженные незваные гости (см. выше). Во всех селах считалось, что дождь во время свадьбы сулит богатство молодым; отмечено единичное толкование приметы: молодая будет много плакать (от одного информанта в с. Нарда).

Сведения о традиционном градищанскохорватском свадебном хлебе *vertanji* в этих селах немногочисленны. Так, одна из собеседниц в Нарде вспомнила, что раньше (сейчас такой обычай не практикуется) женщина из числа сватов (кума со стороны одного из молодоженов) танцевала с этим ритуальным хлебом на пути свадебной процессии к церкви (*s tim mogla tancat na putu*). Затем она просила нож и резала свадебный хлеб, раздавая всем присутствующим, пришедшим к церкви смотреть на венчание. В с. Хорватские Шице отмечен давний обычай выпекать к свадьбе множество сдобных хлебцев, называемых *vertanji za pir* (вертани к свадьбе); их также раздавали зрителям перед церковью. Во всех обследованных селах к свадьбе выпекалось большое число тортов и сладкого сдобного хлеба: *kuglihopi* (Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице), *poharaj* (все села), *perjaci* / *pirjaci* / *pireci* (Петрово Село) и др.

Некоторые сведения удалось собрать по родинной обрядности: беременную называли *nosieća*, ей запрещалось смотреть на покойного (других запретов для беременной не отмечено). Специального названия для роженицы не удалось зафиксировать, но поверье о том, что ей нельзя было выходить на улицу в течение шести первых недель (или до крещения ребенка) существовало (Нарда, Хорватские Шице). Запрещалось также оставлять пеленки после захода солнца, иначе на ребенка нападет *mrak* (*mrak dojde na dite*), т.е. зло, напасть, болезнь. Защищаясь от «мрака», под порог дома подкладывали нож, пока ребенку не исполнится шесть недель (Нарда), ср. похожие представления об этом мифологическом персонаже в селах южного Бургенланда в Австрии (Нова Гора, Пинковац) [10. С. 154]).

В сравнении с уже обследованной народной мифологией градищанскохорватских сел Австрии, Венгрии и Словакии демонологические поверья и нарративы данного региона имеют свои особенности. Из черт, общих с другими хорватскими селами анклава, прежде всего следует отметить верования в ведьм, называемых здесь, как у других градищанских хорватов, *viške* и отождествляемых с ветром и вихрем, ср. типичное для всех сел выражение *viške idú* (ведьмы идут) или *viške letú* (ведьмы летят) при возникновении ветра или вихря, причем последнее выражение употребляется и при обозначении вылетающих из трубы искр (Петрово Село). Известны и нарративы о превращении ведьмы в коня, собаку, черную кошку (Нарда). По воспоминаниям жителей, ведьма причиняла вред и людям, и домашним животным: насылала болезни, отбирала молоко у коровы — все эти действия обозначались глаголом *začarat* (Нарда), *začarovat* (Горни Четар) (заколдовать). Косвенным свидетельством архаического славянского мотива превращения ведьмы в лягушку или жабу, чтобы отобрать у коровы молоко, могут служить отмеченные сведения о том, что при исчезновении молока у коровы, хозяева обнаруживали в хлеву некую «зеленую жабу». Ее следовало отбросить подальше, ни в коем случае не глядя за ней вслед (Нарда). Ведьма могла отбирать молоко у коров, «собирая росу в поле» (известный восточным и южным славянам архаический сюжет об отбирании молока): так, записан нарратив о встрече ранним утром женщины с запачканными грязью руками, что якобы свидетельствовало о ее злокозненных действиях — *rosu bere po polju* (Горни Четар). Зафиксированы и сведения об

аналогичном мужском персонаже *viškas*, *višac* (Нарда). Традиционными оберегами от ведьмы в этих местах, как и в других селах Венгрии и Австрии, считались: перевернутая метла у двери, чеснок, красные нити на запястьях ребенка, окропление помещений святой водой, в с. Нарда практиковалось и затыкание вил в землю около хлева, чтобы ведьма не испортила ночью корову, если же молоко исчезало (*usune kravi mliko*), животное окуривали (*mogli su kadit is ognjem*). При шутливых названиях друг друга в этом «кусте» сел жителей Нарды (где во время экспедиции удалось собрать наиболее обширные сведения по народной мифологии) называли «ведьмаками» (*viškári*). В с. Петрово Село в венгерском окружении ведьмами, как правило, считались представители этнических соседей — *vugrice* (венгерки).

Среди бросающихся в глаза отличий следует отметить полное отсутствие представлений о персонаже *vila* (сохранившихся у градищанских хорватов в других частях Венгрии, см. [2. С. 113–115]), а также в Австрии и Словакии, см. [10. С. 152–153; 4. С. 350–352]), представлений о ночном пугающем персонаже *ognjeni* ‘огненный’ (до сих пор живых у градищанских хорватов в других обследованных анклавах, см. [2. С. 115–116; 10. С. 153–154; 4. С. 350, 352]). Вместе с тем, заслуживает внимания интерпретация этих явлений этнологом Ш. Хорватом, считающим, что следы «вилы» можно обнаружить в детской песенке-приговоре, исполняемой при звуках приближающегося грома: «Grmi, šumi, černa Gospa van biži, a bila — nutra!» [Громыхает, шумит, Черная Госпожа, беги на улицу, а Белая — внутрь]¹⁹. Остатки представлений о мифологическом персонаже *ognjeni* ученый связывает с явлением *sviče* ‘свечи’ в их регионе (нами, впрочем, уже нигде в селах не отмеченном): в ночи можно видеть огонь в поле, который приписывается неправедным душам умерших землемеров, которые по каким-либо причинам криво делили наделы возделываемой земли²⁰.

Особого внимания заслуживает и некий демонический персонаж, называемый *trut*, а действия, которые ему приписываются — давить на грудь мужчинам или парням ночью (*trut gnjavi* (трут давит) с. Нарда, *trut me je zmučil, gnjavil* (трут меня измучил, задавил) с. Хорватские Шице) или вызывать помутнение рассудка у спящих до такой степени, что ночью все перессорятся и передерутся (записан нарратив о ночевавших в одном помещении парнях в с. Хорватские Шице), во многом сродни действиям ведьмы и моры в южнославянских регионах. Ср. также поверья о том, что и *trut*, выступающий в облике сильного толстого человека, может превратиться в черную кошку (с. Нарда). В книге о селе Хорватские Шице на венгерском языке данный персонаж описывается в отдельной главе: «Поведение человека, отличающееся от поведения обычных людей, особенно непривычное, непонятное для них, было знаком того, что в этом человеке живет злой дух. Если о человеке говорили, что это *trut*, то его старались избегать, поскольку он обладал вредоносными свойствами. Тем, на кого *trut* сердился, он во сне причинял страдание. *Trut* ночью, в новолуние, покидал свое тело и так ходил среди людей. [...] Он входил в дома через закрытые двери и там превращался в какой-нибудь предмет [...] Защититься от него можно было при помощи молитвы и окуривания освященными растениями» [10. С. 194]. Отмеченные в этом обобщающем описании черты персонажа — покидать тело ночью и затем проникать в закрытые двери, совершая

¹⁹ Устное сообщение Ш. Хорвата во время беседы в г. Сомбатхей в Отделе этнологии при Музее Савария.

²⁰ Устное сообщение Ш. Хорвата во время беседы в г. Сомбатхей в Отделе этнологии при Музее Савария.

вредоносные действия — типичный южнославянский мотив, приписываемый ведьме, море (а также ряду других карпато-балканских персонажей-«двоедушников»). В селе Горни Четар записан нарратив о событиях Первой мировой войны: тогда, если дивизия оказывалась в окружении, говорили, что *trut* завел солдат в ложном направлении.

Среди мифологических персонажей, которыми пугали маленьких детей, наиболее ярко выделяется некая «железная баба» (*želizna baba*) (Нарда, Горни Четар, Хорватские Шице). Считалось, что ее место обитания расположено на чердаке, там, где в отверстие (*okno*) выходит дым из печи. Чтобы уберечь детей от падения или других напастей, говорили: «*Želizna baba će te ugris*» (Железная баба тебя укусит), «*Želizna baba će te odnet*» (Железная баба тебя унесет), «*Želizna baba će te bantovat*» (Железная баба на тебя нападет)²¹. Отметим, что в отдельно расположенном селе Петрово Село о «железной бабе» не знают, там говорят, что пугали маленьких детей некой «ряженой бабой» (*sura baba*): «*Sura baba će te odne(s)t*» (Ряженая баба тебя унесет). Пояснение о устрашающем персонаже сходно с представлением о цыганах, которые «засунут ребенка в мешок», и пр. (градищанскохорватские села Австрии), в Петровом Селе поясняли, что это «одна из тех, которые приходят на свадьбу ряжеными» (*od tih ki idu na svadbu*), ср. выражение о ряженных на празднике сбора винограда в с. Хорватские Шице: *súрати дерžu* (совершают ряжение)²².

Таким образом, этнолингвистическая экспедиция в села в окрестностях Сомбатхея значительно пополнила имеющийся полевой материал по градищанским хорватам Венгрии, что в настоящее время позволяет сделать сравнения тех архаических элементов в языке и народной культуре, которые до сих пор сохраняются в славянских селах Венгрии и Австрии в иноязычном и иноэтническом окружении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Плотникова А.А. Этнолингвистическое обследование градищанских хорватов Венгрии // Славянский альманах. 2017. № 3—4.
2. Плотникова А.А. Основные мотивы в народной культуре градищанских хорватов // Вестник славянских культур. М., 2018. Т. 47.
3. Ващенко Д.Ю. День св. Люции в традиции градищанскохорватских и венгерских сел Западной Венгрии // Живая старина. 2018. № 4.
4. Плотникова А.А. «Водные хорваты» и специфика их традиции: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2018. № 2.
5. Ващенко Д.Ю., Плотникова А.А. Градищанские хорваты между Бечем, Пожоном и Шопроном: язык и письмо // Девятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. М., 2019.
6. Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik. Zagreb; Eisenstadt, 1991.
7. Ващенко Д.Ю. Надписи на могильных плитах в хорватских селах Словакии Яровце и Чунново: специфика смешения кодов // Славянский мир в третьем тысячелетии (в печати).
8. Bosits J. Običaji u mojem rodnom selu u Nardi. Szombathely, 1998 [рукопись дипломной работы на хорватском языке].
9. Horvat Š. Godišnji običaji Gradišćanskih Hrvatov // Riječ. Časopis za književnost i kulturu Hrvata u Mađarskoj. Budimpešta, 1997. God. II. Br. 1.
10. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: Архаика и инновации. М., 2016.
11. Horvátlővő településtörténete és néprajzának értéktára / Szerk. Kovács Géza. Gencsapáti, 2015.

²¹ В последнем случае любопытно включение унгаризма в традиционную формулу ритуальной угрозы.

²² Заметим также, что в этих областях осенний праздник винограда у венгров называется *szüreti (felvonulás)*, букв. '(шестивие) уборки винограда', ср. *szüret* 'сбор и переработка винограда'.